

В. Тусев

САЛОН НЕДОБРЫХ УСЛУГ

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК

Валерий Борисович Гусев
Салон недобрых услуг
Серия «Дети Шерлока
Холмса», книга 35

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172080
Салон недобрых услуг: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-31666-3*

Аннотация

Бесполезно запира́ть юных сыщиков дома – они все равно найдут способ ввязаться в приключения. Ведь неугомонные сыновья полковника Оболенского Димка и Алешка твердо решили помочь папе в расследовании двух дел о... неvezении. У покупателей невезучего автосалона «Альянс» ловкие воры угоняют новенькие иномарки. Бизнесмену Аркаше, другу полковника Оболенского, тоже не везет – ему угрожают и требуют денег. К счастью, Лешка с его аналитическим умом давно понял, как связаны два этих дела. Более того, он даже вычислил, кто за ними стоит...

Содержание

Глава I	4
Глава II	16
Глава III	29
Глава IV	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валерий Гусев

Салон недобрых услуг

*Все совпадения случайны; все события,
описанные в книге, выдуманы ее автором.*

Глава I

Собачий тополь

Недалеко от нашего дома, возле детской площадки, стоит высоченный, в три обхвата, старый тополь. Вообще, в нашем микрорайоне много деревьев, он считается самым зеленым в Москве. У нас даже свой парк есть и своя речка, заросшая по берегам кустарником, а между домами и во дворах толпятся березы, липы, всякая сирень-черемуха, зеленые елочки у подъездов и даже развесистые каштаны.

Но этот тополь почему-то у всех – самый любимый. Особенно весной. Он выбрасывает свою клейкую пахучую листву самым первым среди наших деревьев и сбрасывает ее, побуревшую и сухую, самым последним, уже на пороге зимы. И никто на него не сердится, когда он начинает зацветать и легкий ветерок заносит в открытые окна легкий тополиный пух. Как летний снежок.

Под этим тополем любят посидеть на скамейке наши ба-

були с вязаньем, наши дедули с газетами и наши молодые мамы с колясками.

Несколько лет назад над тополем нависла угроза. Рядом начали строить новый дом, и строители решили, что тополь им мешает, а будущие жильцы решили, что он будет загораживать их окна от солнечных лучей и к тому же скроет прекрасный вид на загазованный проспект.

К тополи ухватисто подошли мужички в пластмассовых касках с надписью «Экология», в красных комбинезонах и с бензопилой.

Но не тут-то было! На защиту любимого дерева (от этой «Экологии») поднялись все наши жильцы: бабульки со спицами, дедульки с газетами, мамы с колясками и дядя Федор с топором.

Мужички отступили. Правда, в одну из ночей они снова подкрались к тополи, но кто-то (по-моему, мой младший брат Алешка) вылил на них из окна кастрюлю холодной воды. Хорошо еще, не из детского горшка плеснули...

Тополь мы отстояли. И он нас благодарит своей шелестящей листвой, клейким ароматом после дождя, своей тенью в жаркий день, своим молчаливым участием... Не знаю почему, но когда у меня плохое настроение или какие-нибудь неприятности, я люблю посидеть возле тополя. Он меня как-то успокаивает, даже утешает. «Это все пустяки, Дима, – словно говорит он наподобие Карлсона, – дело житейское». И мне становится легче и спокойнее. Появляется надежда,

что мои невзгоды и неприятности уже остаются позади. А впереди ждут одни «взгоды и приятности», как говорит мой младший брат Алешка.

Но вот в этот весенний вечер я долго не мог успокоиться. Наступила тишина, даже птички в кроне тополя не чирикали – улеглись спать, уgomонились в своих гнездах. В домах разноцветно светились окна. «Особаченные» жильцы уже завершили свои вечерние прогулки – нигде ничего не лаяло, только иногда мяукало возле помойки.

Я прижался спиной к теплomu стволу. Он чуть ощутимо подрагивал – то ли в легкой дреме, то ли от вечернего ветерка. И казалось, словно он легонько, дружески подталкивает меня в плечо: «Пустяки, дело житейское».

Вот именно. В нашей семейной жизни такое житейское дело на моей памяти случилось впервые: мама поссорилась с папой. Такого у нас никогда не бывало. Они никогда даже не хмурились друг на друга. А если и спорили, то сразу же кто-нибудь из них уступал в споре. Чаще всего – папа.

Но в этот раз он не уступил. Мама надулась, насупилась и ушла на кухню сердито брякать посудой. А папа ушел в кабинет, громко хлопнув дверью.

Мы с Алешкой притихли. Как мышки после землетрясения. Потом Алешка пошел к маме, а я – к папе.

Алешка сказал маме:

– Да не сердись ты на него, мам. Зато он умный.

– Вот и пусть сидит в своем кабинете, – отвечала мама,

едва не разбив в мойке тарелку, – раз уж он такой умный!

А я сказал папе:

– Пап, да не сердись ты на маму. Зато она в нашей школе самая красивая.

– Вот и пусть ходит в свою школу, – буркнул папа, – раз уж она такая красивая!

Маме, в самом деле, очень часто приходится бывать в нашей школе – наш директор очень часто ее вызывает. Наверное, он в нее влюбился. Или он не может без нашей мамы с нами справиться, особенно с Алешкой.

Мама приходит из школы немного расстроенная и немного сердитая и говорит папе:

– Ну и дети у тебя! Оба в папочку!

– Я горжусь этим! – отвечает папа. – И еще тем, что оба они красивые в мамочку.

Тут мама улыбается и говорит:

– А еще они в меня очень умные!

– Не замечал, – отвечает папа и прячется за газету.

Я тоже не замечал за нами ни особого ума, ни особой красоты. Правда, Алешка в самом деле похож на нашу маму – такие же длинные ресницы, немного курносый, задорный нос и большие наивные глаза. Но если наша мама и в самом деле немного наивная, то об Алешке я бы этого не сказал. За наивностью его взгляда скрываются и хитрость, и внимательность, и наблюдательность. Скоро вы в этом сами убедитесь...

В общем, в тот памятный вечер Алешка остался дома – ходить из кабинета на кухню и обратно, уговаривая по очереди маму и папу, а я пошел во двор, посидеть под нашим добрым тополем.

Но что-то в этот раз мне под ним как-то не очень сиделось.

Я не сказал, что наш тополь любят не только наши жильцы, но и все окрестные собаки. Они то и дело возле него «отмечаются». Оставляют полезную информацию, как говорит наш сосед дядя Федор. Но сегодня эта «полезная информация» особенно сильно пахла. И от этого мне становилось как-то еще более одиноко. Я чувствовал себя брошенной собакой.

Я, конечно, из-за их ссоры сильно расстроился. Тем более что, в общем-то, ссора была, на мой взгляд, из-за пустяков, на ровном месте. И началась она довольно дружелюбно.

Мы ужинали в большой комнате, за телевизором. Мы, вообще-то, его редко смотрим, интересного там мало, а всякой пакости много. Но папа всегда просматривает все криминальные новости. Это ему нужно по его работе. Конечно, ему на службе предоставляют всякие сводки происшествий, но он говорит, что иногда кое-что полезно увидеть и со стороны, на экране.

Мама эти новости терпеть не может. Особенно, когда дают сообщения о жертвах преступлений и пострадавших работниках милиции. Она, хоть и никогда этого не показывает, очень боится за папу. Наш папа, полковник, не всегда си-

дит в своем кабинете. Он часто выезжает на место происшествия и даже участвует в задержании опасных преступников. Правда, никогда об этом дома не рассказывает. Но мы все равно об этом как-то узнаем. Чаще всего, когда подслушиваем папины разговоры по параллельному аппарату. Особенно Алешка в этом деле наловчился.

Правда, когда-то, уже давно, папа прервал свой разговор и строго сказал:

– Не сопи в трубку, Алексей.

По случайности папиного сотрудника, с которым он в это время разговаривал, тоже звали Алексеем. И он даже немного обиделся.

– Я не соплю, товарищ полковник. Это, наверное, ваш младший сын сопит.

Алешка, не удержавшись, хихикнул, но с тех пор стал осторожнее. В трубку не сопел и не хихикал.

И вот мы сегодня смотрели эти криминальные новости, а там как раз идет сюжет о том, как один майор задерживал пьяного угонщика. И ведущий весело завершил свой комментарий:

– Вооруженный угонщик задержан, а майор Крылов с полученными в схватке ранениями доставлен в больницу. Сейчас его жизни уже ничто не угрожает.

Мама встала и выключила телевизор. Майор Крылов оказался папиным хорошим знакомым, они вместе когда-то учились в школе милиции.

– Отец, – вдруг сказала мама, – ты уже не очень молод.

– Но еще и не очень стар, – гордо возразил папа.

– У тебя дети растут, – продолжила мама.

– Вот эти, что ли? – Папа с улыбкой кивнул на нас. – Симпатичные, на тебя похожие. И умные, почти как я.

Мама не откликнулась на эту шутку и сказала очень решительно:

– Тебе пора менять работу. – А потом мечтательно добавила: – Будешь в какой-нибудь солидной фирме юрисконсультom. Работа неопасная, зарплата немаленькая. Отдыхать будем, например, в Кордильерах.

– Почему в Кордильерах? – удивился папа.

– А я там ни разу не была.

– Мам, – спросил Алешка, – а ты где-нибудь еще ни разу не была? Или везде уже побывала? Кроме этих... Кондильер?

Алешка иногда такие вопросы задает, что не сразу поймешь – всерьез или в подначку.

– Не твое дело, где я не была, – мама так разошлась, что осадила Алешку довольно резко. – Кордильеры – это моя мечта, с детства. Это самые прекрасные острова на свете. Там золотые пляжи и зеленые пальмы! А на них щебечут розовые попугаи.

– Мать, – сказал папа с чуть заметной улыбкой, – а я-то, темный человек, всегда считал, что Кордильеры – это высокие горы. Там не зеленые пляжи и золотые пальмы, а мрач-

ные скалы и белоснежные ледяные вершины.

– Ты мне зубы не заговаривай, отец! И не губи мою красивую мечту! Лучше скажи: когда поменяешь работу?

Глаза у папы блеснули, и он ответил сердито:

– Когда на золотых пляжах Кордильер зеленые пальмы вырастут, с розовыми попугаями.

Вот тут мама и пошла на кухню греметь посудой, а папа хлопнул дверью в кабинет.

Мы с Алешкой переглянулись. Алешка вздохнул и зачем-то полез в кладовку. Загремел там всякими нужными и очень полезными вещами. О которых мы вспоминали раз в десять лет.

– Чего ты там копаешься? – рассердился я.

– Лопату ищу. Нашу, дачную.

– Чего?!

– Того! – Алешка выбрался из кладовки. – Уеду я от вас.

– Куда?

– В Кондильеры! Пальмы сажать!

– Сажай, – вздохнул я. – Все равно папа со своей работы не уйдет. – И я пошел во двор, посидеть под тополем.

...Вечер кончился, ночь уже начиналась. Было как-то не по себе. То ли грустно, то ли скучно. В общем, невесело. Когда мы с Алешкой ссоримся, это пустяки, дело житейское. Двадцать раз в день. А вот мама и папа поссорились, кажется, первый раз за двадцать лет. И это было так неожиданно,

так непривычно, что я даже растерялся. И никак не мог «собраться в кучку». Алешка ведь тоже не случайно в кладовку полез.

Впервые в жизни мне не хотелось идти домой. Но пришлось. У нашего подъезда остановилась черная машина, а из подъезда вышел папа и помахал мне рукой. Ясно – его вызвали на работу, произошло что-то серьезное.

– Иди домой! – крикнул мне папа.

– А вы помирились?

– Два часа назад! Беги скорей, мама волнуется! – И папа сел в машину и уехал. С мигалкой и сиреной.

– Ты где пропадал? – набросилась на меня мама.

– Во дворе. Посидел на скамейке. Нельзя, что ли?

– Можно! В солнечный полдень. А не в позднюю полночь.

– А в раннюю полночь? – спросил Алешка с хитрой улыбкой.

– А ты, такой умник, когда наконец свои кроссовки на помойку отнесешь?

(Ох уж эти старые Алешкины кроссовки! Он их доносил до того, что у них спереди отстали подошвы, и кроссовки стали напоминать двух голодных зверьков. И уже две недели стоят в прихожей, будто ожидая, что их покормят. Алешка все время про них забывает. А может, ему просто жалко их выбрасывать. Как старых верных друзей. Папа тоже ему все время о них напоминает. По утрам, когда об них спотыкает-

ся.

– И вообще, я их боюсь, – признается папа. – Так и кажется, что они меня за пятку тяпнут. Особенно вот та, правая. Ишь, ощерилась. Фу, зверюга! Место!

– Ладно, – проворчал Алешка. – Завтра выброшу.

– А ты почему с лопатой? – наконец-то заметила мама. – Куда собрался? Огород копать?

– В Страну Чудес, – сказал я. – Пальмы на пляже сажать. С попугаями. «Крэкс, фэкс, пэкс».

Мама рассмеялась. Но было видно, что она чем-то взволнована.

– У папы проблемы, – сказала она. – Один его друг попал в большую беду.

– Какой друг?

– Аркаша. На него наехали.

– Мам, – спросил Алешка, – а это какой Аркаша? Дядя Ка-ша? Которого в детстве дразнили «Аркашка-какашка», да?

Мама вздрогнула и аж побелела от возмущения.

– Алексей! Что ты себе позволяешь?

Алешка невинно похлопал своими наивными глазками:

– Это же папа рассказывал. Ему можно, да? А мне нельзя, да?

С дядей Аркашей папа дружил в детстве. И немного в молодости. Потом папа стал работником милиции, а дядя Аркаша – работником торговли. Дядя Аркаша разбогател, а папа нет. Не знаю, как там дразнили Аркашу в детстве, но он

был застенчивым и робким ребенком в очках. И папа всегда заступался за него, если его обижали. Обижали Аркашу часто. Потому что он был застенчивым. А сейчас он не застенчивый. Но все равно, как в детстве, готов спрятаться за папину спину. А еще дядя Каша долгое время был не только очень застенчивым, но и сильно невезучим. Он сам об этом часто говорил. Жаловался папе:

– Понимаешь, Серега, вот такой я человек, невезучий. В любой тарелке мне почему-то больше всех достается жесткого лаврового листа и жгучего перца...

– Даже в пирожных? – заинтересовался Алешка.

Дядя Каша только вздохнул:

– В пирожных и мороженых мне попадаются пуговицы. А однажды я ел хот-дог и сломал об десятицентовую монету свой любимый зуб.

– Какой? – подскочил Алешка.

– Вот, – дядя Каша показал свой золотой зуб.

Алешка явно позавидовал:

– Красивый. – И мне показалось, что он готов прямо сейчас помчаться за хот-догом, чтобы обзавестись таким же красивым золотым зубом. А если повезет, то и двумя сразу.

А дядя Каша вздыхал все горше.

– В прежнее время, когда я еще стоял в очередях, мне доставалась самая длинная очередь. А товар кончался прямо передо мной. Или начинался обеденный перерыв.

– Зато когда начался передел собственности, – усмехнулся

папа, – ты без всякой очереди успел.

– Да, тут-то мне наконец повезло. – Дядя Каша самодовольно ухмыльнулся. – Теперь я в очередях не стою и лавровый лист не жую.

– Теперь ты своих подчиненных жуешь, – поддел его папа.

– Каждому свое, – засмеялся Аркаша. – Один жует, другого жуют. И выплевывают.

И вот теперь этого Аркашу самого «зажевали». Или, как выразилась мама, наехали.

Глава II

Аркаша, Мариша и Маргоша

Мы допоздна ждали папу. И переживали за Аркашу, хотя он и «жует» своих сотрудников. Но он, в общем-то, добрый и отзывчивый человек. Просто в его бизнесе свои законы, и он должен им подчиняться. У папы в его работе тоже ведь свои законы. И папа должен в любое время быть готовым помогать людям, попавшим в беду. И не важно – близкие они ему или совсем чужие. И кстати, хоть Аркаша и «жует» своих подчиненных, но никто из них от него не уходит, не ищет себе другого начальника. Это ведь неспроста, правильно?

В общем, ожидая папу, мы разговаривали только об этом нашем Аркаше. Тем более что не так давно он был у нас в гостях. Они с папой пили коньяк и вспоминали свое детство. И немного – свою юность. До той поры, когда их жизненные пути разошлись. А мы все слушали их воспоминания. Потом Аркаша порасспросил папу о его работе и вздохнул:

- Опасная у тебя служба, Серж.
- У тебя работа опаснее, – усмехнулся папа.
- С чего ты взял? – удивился Аркаша.
- Ну... Ты вот с охраной ездешь. А я – нет. Я сам себе охрана.

Мама стала внимательно прислушиваться к их разговору.

– Надо тебе работу менять, – настаивал Аркаша. – Возглавить, например, юридическую службу солидной фирмы. Лет десять назад...

– Эх, Аркаша, – с улыбкой перебил его папа, – как изменилась жизнь. Лет десять назад я бы тебя задержал, арестовал и посадил.

– За что, Серж? – смущенно посмеялся Аркаша, поправляя прыгающие на носу очки.

– За спекуляцию.

– Это не спекуляция, Серж, а коммерция. Свобода торговли.

А папа все его подначивал.

– Мать, – сказал он нашей маме, – он, знаешь, как торгует? Он во Франции скупает целые партии колготок по одному евро за пару, а продает их здесь по сотне. Коммерсант!

– А какие колготки? – заинтересовалась мама этой коммерцией.

– Отставить! – сказал папа. – Никаких колготок. Взятчица!

Аркаша подмигнул маме, поправил очки и поспешил переменить тему разговора. Он обежал глазами нашу большую комнату и вздохнул с сочувствием:

– Скучновато, Серж, живете. Квартирка у вас не «ах».

– У него и зарплата не «ах», – наябедничала мама. – И дача тоже.

– Зато детишки «аховые», – опять встрял Алешка. – Оба

как на подбор.

– Отличники? – спросил Аркаша.

– Не каждый день, – уклонился Алешка.

– Иногда, – уточнила мама. – Раз в году. По физкультуре.

– С квартирой могу помочь, – щедро предложил Аркаша. – У меня этих квартир как грязи.

– Я мзду не беру, – усмехнулся папа. – Особенно квартирами.

– Да, – подтвердил Алешка, – мы нищие, но мы гордые. Мы квартиру не возьмем. А вот какой-нибудь джип...

– Отставить! – Папа шлепнул ладонью по столу. – Вымогатель!

Но все-таки, когда Аркаша распрощался и ушел, на тумбочке в прихожей почему-то осталось несколько пар колготок в красивой упаковке. По пол-евро за штуку.

Папа выбросил их в форточку со словами: «Оболенские взятки не берут».

– Правильно, отец, – громко сказала мама. И шепнула Алешке: – Сбегай подбери. Мы взятки не берем, но от подарков не отказываемся.

И вот теперь мы сидим и волнуемся. Мама толком еще ничего не знала и объяснить нам ничего не смогла. Мы стали ждать папу. Он приехал поздно – проводил оперативное совещание со своей группой.

– Странное дело, – сказал он маме еще в прихожей, опять споткнувшись об Алешкины кроссовки и даже не заметив

этого. – Ничего определенного. Какая-то невнятная записка. Безграмотная к тому же. Вроде того: «Палажи пад каминь ва дваре мильён денег».

– Пацаны балуются? – предположила мама.

Папа пожал плечами:

– Мы тоже сначала так решили. Да вот только к этой записке добавилась еще одна. Вот, посмотри. – И он протянул маме сложенный листок.

Мама его развернула и стала читать. Мы с Алешкой тоже сунули в него свои носы.

Не понятно, что тут тревожного увидел папа. Это был какой-то список адресов. Самых разных. Фитнесс-клуб. Масажный салон. Салон красоты. Ветлечебница.

– Ни фиги! – вырвалось у мамы. Она, видно, сразу поняла, что это значит.

– Да, – кивнул папа, – не слабо. Это все адреса, где бывает Мариша.

Мариша – это жена Аркаши, красивая тетя Марина, Мисс какой-то области.

– Она что, – безмерно удивился Алешка, – в ветлечебнице лечится?

– У нее собачка есть, Маргоша, – усмехнулся папа. – Понимаешь, мать, это явный намек. Мол, мы прекрасно знаем, где постоянно бывает твоя любимая красавица-жена, и у нее могут быть большие проблемы, если ты, Аркаша, не положишь «пад каминь мильён денег».

– И что будешь делать? – спросила мама с тревогой в голосе.

– Я на завтра пригласил Аркашу к нам домой. Здесь его допрошу. Так спокойнее. За ним могут следить. А его квартира и все его телефоны могут стоять на прослушке.

Мама усмехнулась и кивнула на нас с Алешкой:

– В нашем доме прослушек тоже хватает.

А я вот что скажу. Если бы мы с Алешкой не включили свои лопухие «прослушки», эта история могла бы закончиться гораздо печальнее...

Утром папа, споткнувшись в прихожей о кроссовки, уехал на работу. Мы с Алешкой сбегали в школу и отпросились с четвертого урока. Алешка сказал, что у папы разболелся зуб, а я сказал, что у мамы разболелось ухо. Больным нужна наша помощь. Забота и внимание им тоже необходимы.

Вскоре приехал папа. А потом, к вечеру, Алешка, дежуривший у окна, сообщил:

– Прибыл дядя Каша. Целым составом.

Я тоже выглянул в окно. Напротив нашего подъезда остановились две машины: навороченный «мерс» и черный джип.

Сначала из них вышли охранники, осмотрелись. Двое остались у подъезда, а еще двое пошли в дом, прикрывая собой застенчивого Аркашу.

Ему и тут немного не повезло. Сначала он наступил в лу-

жу, а потом охранник так быстро распахнул перед ним дверь, что едва не хватил Аркашу в лоб. И Аркаша прошмыгнул в подъезд, как серенькая мышка в очках. Мне даже немного жалко его стало.

Мама дала Аркаше теплые тапочки и сухие папины носки. И они сразу же скрылись в кабинете. Не носки, конечно, и не тапочки, а папа с Аркашей. В дверях папа обернулся и сказал маме, кивнув в нашу сторону:

– «Прослушки» наши заглуши.

– Марш на кухню! – сказала нам мама. – И дверь за собой закройте.

Мы не очень-то огорчились. Папа все равно потом все расскажет маме. А уж тут наши «прослушки» не откажут – технология подслушивания у нас с Алешкой отработана...

Разговор в кабинете продолжался довольно долго. Наконец мы услышали голоса в прихожей – Аркаша прощался с папой и застенчиво его благодарил. Мы тоже примчались из кухни, но дверь за Аркашей уже захлопнулась. А на тумбочке опять осталась пачка пакетов с колготками. Наверное, взамен папиных носков. Папа посмотрел на колготки, но ничего не сказал. Он был озабочен.

– Ну что? – спросила мама, тоже озабоченно. – Это серьезно?

– Похоже, что так, – кивнул папа.

– Идите на кухню, – приказала нам мама.

– Мы только что оттуда, – обиделся Алешка.

– А что вы там делали? – спросила мама невинным голо-
сом.

– Ничего, просто так...

И вот тут-то мы попались!

– А теперь, – злорадно сказала мама, – не просто так, а с пользой.

– Посуду, что ли, помыть? – догадался Алешка и сделал вид, что очень огорчился. На самом деле именно это нам и было нужно.

Мама с папой остались в большой комнате, а мы пошли на кухню. Пустили в мойку воду так, чтобы она погромче журчала, разулись и на цыпочках пробрались в коридор. Дверь в комнату была прикрыта не плотно, и нам все было хорошо слышно. Время от времени мы по очереди бегали на кухню и громко брякали тарелками, ложками и кастрюлями.

– Что они там барабанят? – один раз спросила мама.

– Протестуют, – сказал папа.

– От таких протестов, – возмутилась мама, – мы скоро без посуды останемся.

– Они только рады будут, – усмехнулся папа.

В общем, мы прослушали весь их разговор и узнали много нового.

На дядю Аркашу в самом деле «наехали». Кроме этих записок, он получил ночью и телефонный звонок. Ему было четко и ясно сказано, что если он дорожит своими близкими – Маришей и Маргошей (Маргоша – это Маришина собачка

по имени Королева Марго), то должен, следуя дальнейшим указаниям, выделить из своих доходов некоторую сумму для обеспечения их безопасности.

– Я сразу же спросил его, какие у него отношения с партнерами и конкурентами по бизнесу.

– Прекрасные, – сказала мама. – Он же такой застенчивый.

– Бизнес есть бизнес, – возразил папа. – Я поручил своим ребятам проверить всех, кто имеет к нему претензии. Но думается мне, что здесь что-то другое. Другие действующие лица, другая конечная цель.

– Рэкетеры? – прямо спросила мама.

– Возможно. – Тут папа прислушался. – Кажется, они последнюю тарелку грохнули.

– Нет, – возразила мама, – мою чайную кружку.

– Так ей и надо, – сказал папа. – Ей уже десять лет, и она вся в трещинах.

– Была в трещинах, – вздохнула мама. – Теперь она в осколках.

– В общем, мы поставили на контроль все Аркашины телефоны и выделили Марише свою охрану. От Аркашиных балбесов толку мало.

– А дальше?

– Будем ждать. Когда они назначат встречу для передачи денег, мы их возьмем.

Папа сказал это так просто, будто собирался не опасных

преступников брать, а ложку со стола. Ну что ж, он свое дело знает.

– Видишь, – сказала мама, – как хорошо, что я отговорила тебя менять работу. От тебя ведь столько пользы.

Алешка зажал рот, чтобы не расхохотаться во весь голос. С нашей мамой не соскучишься.

Мы быстренько вернулись на кухню, обулись и взялись за посуду. Когда мама пришла к нам, она глянула в мойку и сказала:

– Бездельники. Чем вы тут занимались? О! Моя любимая кружка, оказывается, цела. А что же вы грохнули?

– Хрустальный кувшин, – успокоил ее Алешка. – И серебряные стаканы.

У нас их отродясь не было. Ни серебряных кувшинов, ни хрустальных стаканов. Но мама на всякий случай все-таки проверила помойное ведро. И очень удивилась (с приятностью), что никаких осколков (ни серебряных, ни хрустальных) в ведре не оказалось.

– Свободны, – сказала нам мама, когда мы домыли посуду. – Умываться и спать. Немедленно.

Через пять минут она вошла в нашу комнату:

– Алексей, умылся?

– Частично, – пробормотал Алешка.

– Это как? – удивилась мама.

– Нос и одно ухо, – объяснил я.

– Не ври, – возмутился Алешка. – Ухи я вообще не мыл.

Это вредно.

– Кто сказал? – спросила мама. – Карлсон?

– Семен Михалыч, наш директор.

Тут мама немного растерялась. Наш директор был в большом авторитете у школьных родителей. Как бывший боевой полковник. И мама не стала спорить. Поправила Алешке одеяло, выключила свет, пожелала спокойной ночи и ушла.

И тут же вернулась:

– Про кроссовки утром не забудь.

– Не забуду, – сказал Алешка. – И что вы их так боитесь?

Когда мама ушла, мы с Алешкой стали обсуждать подслушанную информацию. Потом, когда прошло немного времени, я один раз задумался: как же так получилось, что наше с Алешкой бытовое, как говорит папа, любопытство привело нас к активной деятельности. Мы ведь не собирались вмешиваться в эти Аркашины проблемы, нам своих проблем хватало. Мы просто волновались за него и за его любимую Маришу. И как-то незаметно включились в борьбу за их безопасность. А когда включились, узнали такое! Что даже папа, когда мы ему об этом рассказали, безмерно удивился.

Так или иначе, но мы с большой пользой влезли в это дело. Хотя нас об этом никто не просил. Скорее – наоборот. Когда на следующее утро, за завтраком, Алешка с невинной мордашкой выразил пожелание навестить дядю Кашу в его доме («А то, пап, очень невежливо получается: он к нам все

время шляется, а мы к нему – ни разу»), папа молча показал ему свой большой кулак. А потом добавил словами:

– И близко к его дому не подходить!

– Опасно? – спросила мама с тревогой в голосе.

– Очень, – сказал папа. – Они там всех вымогателей распугают. Ищи их потом по всему свету.

– Ладно, – смиренно пообещал Алешка, – не будем мы их пугать.

– Правильно! – похвалила его мама. – Молодец! В конце концов, отец, это твоя обязанность.

– Не знаю, не знаю, – папа чуть заметно усмехнулся. – Я все подумываю: а не поменять ли мне работу? Да и жена настаивает на этом.

– Какая еще жена? – возмутилась мама. – Твоя жена тобой гордится!

– Ладно, – сказал Алешка, вставая из-за стола, – вы тут погордитесь друг другом, а нам пора в нашу любимую школу.

– Кроссовки захвати, – напредила ему вслед мама.

– Обязательно, – заорал Алешка из прихожей, заталкивая кроссовки подальше под тумбочку. Никак он с ними не расстанется.

Когда мы пришли в школу, Семен Михалыч участливо нас поприветствовал и спросил Алешку:

– Как у вашей мамы уши?

– Довольно чистые, – машинально ответил Алешка, позабыв о мамином «больном» ухе.

– А у папы зуб? – ехидно усмехнулся директор.

– Поправился, – сказал я.

– Ну-ну, – Семен Михалыч покачал головой. – Я проверю.

Сегодня вечером.

До вечера еще далеко, что-нибудь придумаем. А вот что нам делать после уроков, мы уже знали. Поедем вымогателей от Аркашиного дома отпугивать.

Дядя Каша жил недалеко от нас, на окраине Москвы, где кончался город и начиналась природа, в большом новом доме (этажей в сто), окруженном железной оградой со шлагбаумом. Возле шлагбаума стояла веселенькая будочка, где нес свою вахту мрачный охранник в черной форме. Вооруженный до зубов пистолетом, наручниками, баллончиком и дубинкой. Он был очень вежлив с жильцами и очень груб с посторонними. Особенно с теми, которые не подъезжали к дому на клевых тачках, а подходили к нему пешком. Как мы с Алешкой.

Мы ходили вокруг ограды – никаких в ней дырок, кроме «глазков» видеонаблюдения, не обнаружили и остановились у шлагбаума.

– Эй! – крикнул Алешка. – Нам к нашему дяде надо!

Охранник вышел из будочки, смерил Алешку взглядом и, коротко отозвавшись: «Иди отсюда!» – снова скрылся в будке.

Да, эту крепость нашими силами не взять. Я так и сказал

Алешке. Он пожал плечами:

– Возьмем хитростью.

Глава III

Бетонный парус

Через пару дней мы снова вертелись вокруг Аркашиного дома. Он, кстати, назывался почему-то «Парус». Наверное, потому что в самом деле немного походил на надутый сильным ветром парус, из бетона. Стены у него были не плоские, как положено, а какие-то кривые: одна выпуклая, а другая вогнутая. Наветренная и подветренная.

Лешка посмотрел на этот «Парус», задрал голову, и пробормотал:

– Парус... Это, Дим, не парус, а какой-то надутый великан.

Лешка точно сказал. Этот странный дом будто гордился перед нормальными домами, что он сам не такой же нормальный. Будто изо всех сил выпятил брюхо: вот, мол, я какой, а вы все не такие!

– Дим, а внутри у него стены тоже кривые? Наветренные и подветренные? Как же они там мебель вешают? Мебель у них тоже кривая? Наветренная и подветренная?

– А я откуда знаю?

– Пойдем, у охранника спросим.

– А он откуда знает? Он в своей будке торчит, его внутрь не пускают.

Алешка взглянул на меня так, что я сразу понял: его несколько не интересуют выпукло-вогнутые стены. Во всяком случае – не снаружи. В этом доме, как и во всей этой истории, Алешку гораздо раньше, чем меня, заинтересовало что-то другое. И это другое, таинственное и опасное, скрывалось в пузатом доме. Потому Алешка так и рвался туда. Он будто чувствовал, где скрывается тайна и где находится что-то, что поможет ее раскрыть.

Тут как раз к «Парусу» подъехала красивая машина, разрисованная по бортам розовыми леопардами в зеленых пятнах. Охранник мгновенно поднял шлагбаум, вышел из будки и вытянулся как стойкий оловянный солдатик. Только на двух ногах. Зато лицо у него при этом было по-настоящему оловянным.

Машина въехала на территорию «Паруса», шлагбаум опустился. И поскольку охранник был не тот, что в прошлый раз, Алешка сделал еще одну попытку.

– Дядь, – сказал он, – а нам туда надо. Нас в гости позвали.

– Кто? Фамилия? Квартира?

– Дядя Каша позвал. А фамилию я не помню.

– Вспомнишь – придешь. – И охранник повернулся к нам своей оловянной спиной.

– Дядь, – сказал в эту спину Алешка, – а в квартирах стены тоже кривые?

Этот охранник был гораздо вежливей того: ни слова не говоря, он просто скрылся в своей будке.

Мы еще немного потоптались возле шлагбаума, но ничего интересного и полезного так и не получили. Всего-то: приехала еще одна разрисованная машина, да из одного подъезда вышел пацан (постарше Алешки, помладше меня) с какой-то не очень молодой женщиной. Но это были явно не жильцы «Паруса». Наверное, какая-нибудь уборщица со своим сыном, одеты они были довольно просто и, я бы сказал, не по-московски.

Но охранник их знал: вытягиваться перед ними не стал, но выпустил беспрепятственно. Женщина на нас внимания не обратила, а пацан скорчил рожу и надул под носом пузырь жвачки. Пузырь лопнул и повис у него на носу.

– Ах, как он нас удивил! – хихикнул Алешка. – Какой способный мальчик.

«Способный мальчик» обернулся и опять состроил рожу. Еще глупее первой.

Алешка ответил ему тем же. Только с большим артистизмом. А потом сказал мне:

– Дим, давай еще поболтаемся вокруг дома. Может, все-таки какую-нибудь дырку в заборе найдем. Или сами проделаем.

Как бы в нас самих тут дырок не проделали. Охрана тут крутая.

Но мы все-таки еще раз обошли территорию «Паруса» вдоль всего забора. Дырок в нем так и не нашли, а проделать их можно было только газосваркой. Или гранатой. Ни того,

ни другого мы не имели. «Парус» был надежно защищен от нашего вторжения. Да еще и наябедничал. Правда, мы об этом узнали только вечером. Когда папа пришел с работы.

– У тебя очень непослушные дети, – сказал он маме за ужином.

– А у тебя? – спросила мама.

– Бандюги! Я сегодня просматривал записи с камер наблюдения Аркашиного дома...

– И что?

– Подозрительных лиц не замечено. Кроме двух личностей. Одна лет пятнадцати, другая примерно десяти. Делали попытки незаконно проникнуть на охраняемую территорию. Пытались подкупить охранника.

– Интересно чем?

– Личным обаянием.

В общем, нам не так чтобы уж очень попало, но мы поняли, что за Аркашину проблему папины сотрудники взялись серьезно. Папа даже без всякой конспирации сказал, что завтра состоится передача денег.

– И знаешь, где? – спросил он маму.

– У нас на кухне? – мама улыбнулась.

– Почти. На школьном стадионе.

– Класс! – Алешка аж подпрыгнул. – А когда?

– Посмотреть хочешь? Все равно не увидишь. Они все хорошо продумали.

– А как? Ну, пап... Расскажи, а? Мы никому не скажем.

И что удивительно – папа рассказал. Мне это даже показалось не столько удивительным, сколько подозрительным.

– Все очень просто. Рано утром, когда дворник очистит от мусора урны, Аркаша должен положить в крайнюю от входа на стадион урну газетный сверток. Неряшливый такой, газета мятая, в пятнах. Аркаша тут же уходит, а какое-то неизвестное лицо в неизвестный час этот сверток заберет.

– И вы это неизвестное лицо в этот неизвестный час...

– Точно, – сказал папа. – Мы его... Ого! Там всюду будут мои ребята. Под видом совершенно случайных людей. Ну там, молодая мамаша с коляской, бабуля с вязаньем, дедуля с газетой...

– Дядя Федор с топором, – добавил Алешка.

– А ты откуда знаешь? – папа сделал вид, что страшно удивился. – Бабуля с вязаньем – чемпион Москвы по карате, дедуля – мастер спорта по бегу на всякие дистанции, мамаша с коляской – призер Олимпийских игр по стрельбе...

– А в коляске у нее пулемет? – догадался Алешка.

– Гранатомет. – Папа улыбнулся. – Вот такие у нас кадры. Так что вы, непослушные мамини дети, не суйтесь завтра на стадион.

– А то еще спугнем неизвестное лицо, да, пап? – деловито спросил Алешка.

Глаза его блестели от предстоящего. Было ясно: он сделает все, чтобы ничего не проглядеть. Папа это сразу понял.

– Мать, Алешку под замок на весь день.

– А Димку? – ревниво взвизгнул Алешка.

– Димку необязательно.

– Дим, тогда ты мне все расскажешь. Как старший брат.

– Димку тогда тоже под замок, – решил папа. – Оба хороши.

Мне, честно говоря, тоже хотелось бы посмотреть, как сработают папины «ребята» – мамуля и бабуля с дедулей.

– Ладно, – сказала мама. – Под замок я их сажать не буду. Я им, как Золушке, дам всякие задания на весь день.

– Щаз-з! – взвился Алешка. – Отделить чечевицу от черепицы? Я не умею!

– Научишься, – спокойно сказала мама. – К вечеру. И кстати, когда наконец ты выбросишь в мусоропровод кроссовки?

– Начинается... – проворчал Алешка.

– Начинается! – вспыхнула мама. – Добрые люди, которые иногда к нам заходят, при виде твоих кроссовок пугаются и подсказивают. Мол, что за звери живут в вашей квартире?

– Мне их жалко, – сказал Алешка. – Они были такие красивые.

– Ну, когда это было, – сказала мама. – Сто лет назад.

– Папа свои болотные сапоги, все в дырках, тоже не выбрасывает, – сказал Алешка.

– Ну! – папа покачал головой. – Эти сапоги...

– ...У того, у кого надо сапоги, – продолжила мама. – Чтобы завтра утром твоих кроссовок в моем доме не было. Я

хоть к ним и привыкла, но тоже побаиваюсь. И мне стыдно, что мой сын ходил в такой жуткой обуви. Значит, я плохая мать.

– Ты хорошая мать, – успокоил ее Алешка. – Только вредная. Иногда.

– А ты все время вредный, – сказала мама. – Иди спать. Но сначала умойся. И не частично. И не разными фрагментами. Я проверю!

Утром папа засунул в свою сумку газетный сверток. Газета была старая, немного драная, в пятнах.

– Денежки? – спросил Алешка.

– А то! – сказал папа. – Большие тыщи.

– Не потеряй, – сказала мама. – Чужие все-таки.

– Чужие не жалко, – сказал Алешка. – У Аркаши их много.

– Все, – сказал папа. – Пока.

И он ушел руководить операцией по задержанию вымогателей.

Мама нас под замок, конечно, не посадила. Зато загрузила по полной программе. Уборка, чистка картошки, мытье посуды, отделение чечевицы от черепицы и всякая другая ерунда. Никогда мы так здорово не хозяйничали.

– Молодцы, – похвалила нас мама. – Вот так бы каждый день.

Алешка зажмурился от ужаса. И с надеждой спросил:

– Мы свободны?

– Относительно, – сказала мама.

Мы сорвались с места, помчались в прихожую, переобулись.

– Кроссовкихвати, – крикнула из кухни мама. – А то я их в окно выброшу. Кому-нибудь на голову.

Но кроссовок почему-то в прихожей не оказалось.

– Может, папа их в окно выбросил? – предположил Алешка. – Кому-нибудь на голову.

– И ключи от квартиры тоже?

Ключей в двери, как и кроссовок под тумбочкой, тоже не оказалось.

Мама вышла в прихожую.

– Мы под замком? – спросил я. Сурово.

– Это случайность, – ответила мама. – Папа ключи забрал. Придется потерпеть.

– Эх вы! – горько сказал Алешка. – А я-то старался. Две тарелки помыл и ни одной не разбил. А вы...

– Насчет «не разбил» – у тебя еще все впереди. – Мама иногда бывает безжалостной. – Сам же сказал, что теперь будешь каждый день так здорово хозяйничать.

– Я? Это ты сказала! А я...

Не знаю, что он хотел сказать, потому что в дверях звякнуло и пришел папа.

– Как тут у вас? – спросил он. – Все в порядке? А ты чего такой надутый?

– А ты? – спросил в ответ Алешка.

– Я не надутый, я расстроенный.

– Операция сорвалась? – спросила мама с сочувствием.

Когда мы приносим из школы «двойки», она нас с сочувствием об этом не спрашивает.

– Сорвалась... – Папа вздохнул. – Подослали какого-то постороннего мальчишку. Мы от него ничего не добились. «Какие-то дядьки» его попросили. Пообещали. Обманули.

Алешка, ни слова не говоря, накинул куртку и помчался на стадион. Я – за ним. Тоже накинув куртку.

Догнал я Алешку возле той самой урны. Как раз в тот момент, когда он вытаскивал из нее знакомый газетный сверток.

– Вот они! – сказал он торжествующе. – Денежки! – И нетерпеливо развернул сверток.

И захлопал глазами. И даже немного взвыл.

Вместо денег в этом газетном свертке находились... старые Алешкины кроссовки. Которые мама уже целый месяц просила его выбросить на помойку.

Все стало ясно. Папа нас наколот, чтобы мы не вмешивались. А на самом деле операция проводилась совсем в другом месте.

– Хорошее начало, – сказал Алешка задумчиво. – Какой будет конец?

В тот же день к нам пришел Аркаша. Очень расстроенный

и напуганный. Да и сердитый.

– Вы чего-то там испортили, – сказал он папе недовольным голосом. – Вы их спугнули. Хорошо хоть деньги не пропали.

– И кроссовки, – сказал Алешка. – Мне было бы жалко, если бы их какой-нибудь жулик забрал.

– И носил бы их по праздникам, – сказала мама.

– Какие еще кроссовки! – возмутился Аркаша. – Моя Мариша с ума сходит от страха. Вся такая нервная. Даже Маргоше забыла педикюр сделать – так расстроилась.

Папа молча все это выслушал, а потом сказал:

– Не волнуйся, тебя в ближайшее время никто больше беспокоить не будет.

– Точно? – обрадовался Аркаша и так тряхнул головой, что чуть не сбросил свои застенчивые очки с носа на стол. – А почему?

– В свое время узнаешь. – Папа как-то странно это сказал. Словно знал что-то не очень приятное, но говорить об этом не хотел. – И за Маришу не беспокойся, никто ее похищать не станет.

Аркаша даже фыркнул. Будто сильно обиделся, что его жену, такую красавицу, никто не хочет похитить.

– И вы охрану с нее сняли? – спросил он. – Теперь она беззащитная?

– Как и все мы, – сказал папа.

Дядя Каша сделал такое лицо, что было ясно – мы это мы,

а они, Аркаша с Маришей, это совсем другое. Они намного дороже.

Я заметил, как папа и мама обменялись при этом легкими улыбками.

– Мариша мне очень дорога, – опять заладил Аркаша. – Она такая любящая. Такая нежная. Такая умница. – Он аж засветился. – Когда я впервые увидел ее на подиуме, в полном сиянии ее красоты, то просто обомлел от восторга. И до сих пор не могу понять, как эта неземная звездочка могла полюбить такого заурядного коммерсанта?

По маминой улыбке я догадался, что и она не может этого понять. А папа сказал:

– Так часто бывает в жизни, Аркаша. Она сумела разглядеть в тебе все твои внутренние достоинства.

– Глубоко скрытые, – вежливо добавила мама.

– А какие достоинства? – с удовольствием стал расспрашивать Аркаша. Видно, нечасто в нем кто-то обнаруживал достоинства. Или они так глубоко скрыты, будто их и вовсе нет. – Чем же я мог покорить Маришу?

– Скромностью, – сказала мама.

– Щедростью души, – сказал папа.

– А еще? – Аркаша сладко жмурился, как сытый кот у теплой печки.

– Красотой! – выпалил Алешка.

– Ну уж... – Аркаша смутился от такой откровенной лести. – Это уж ты... Ну какой там красотой? Хотя...

– Внутренней, – сказал Алешка. – Глубоко скрытой.

Аркаша слушал все это с большой серьезностью и не чувствовал нашей иронии. А Лешка вдруг как-то мечтательно проговорил:

– Как бы мне хотелось посмотреть на вашу Маргошу... То есть Маришу. Хотя бы издали.

– Чего проще! Заходи к нам в гости. Теперь можно, опасность миновала, осада снята!

– У вас там охраняемый забор. И шлагбаум как на переезде.

– Для моих друзей шлагбаум всегда поднят! – с пафосом сказал Аркаша. – Заходи. Только позвони заранее. – Он положил на стол свою золоченую визитку.

– А я бы к вам и на вашу дачу съездил, – нахально напросился Алешка.

– Запросто. Только она еще недостроена.

– Но хоть крыша-то есть?

– Крыша есть. А вот все удобства только во дворе. Они временные.

Алешку это не смутило. И несмотря на строгие мамины взгляды, он напросился в гости еще и на дачу. Удобства во дворе посмотреть.

Ну, в общем, все проблемы Аркаши как-то разрешились. Папа был спокоен. Он почему-то был уверен, что вся эта история с вымогательством – чья-то глупая шутка. Впрочем, папе виднее.

...Вскоре Аркаша стал прощаться, целовать маме руку и хлопать папу по плечу. А Лешка, нимало не смутясь, попросил его выбросить по дороге на помойку его старые кроссовки. Которые он зачем-то опять притащил домой.

Тут уж мама не выдержала и дала ему подзатыльник.

– А чего? – Алешка сделал большие удивленные глаза. – Все равно они мимо помойки поедут.

Мама выхватила у него кроссовки и засунула их под тумбочку. Алешка усмехнулся.

Глава IV

Как бы красавица

– Дим, – сказал мне Алешка, – нас в гости пригласили. На завтра.

– Кто?

– Тетя Мариша.

«Пригласили». Сказал бы уж – напросился.

– Тебе это надо?

– Очень надо. Я, Дим, еще ни одну королеву красоты живьем не видел, только по телевизору. – И Алешка посмотрел на меня такими ясными правдивыми глазами, что я сразу понял – врет! Не про телевизор, конечно.

Дело совсем не в том, что ему на Маришу хочется посмотреть. Совсем в другом дело. А вот в чем? Спрашивать его бесполезно, а самому догадаться – слабо. Да и не очень хочется, честно говоря. Меня больше беспокоило грозное обещание директора школы проверить наше вранье про папин зуб и мамино ухо. Об этом я и сказал Алешке.

– Ерунда, – отмахнулся он от проблемы. – Разберемся. И с зубами, и с ушами.

– Ушами, – поправила его вошедшая в комнату мама. – А что у тебя с ушами?

– Это не у меня, – сказал Алешка. – Это у тебя, мам.

– Не замечала, – удивилась мама.

– Ну, мам, ты ж их не видишь. А со стороны виднее.

– И что тебе виднее? – Мама насторожилась.

– У тебя одно ухо краснее другого. Оно не болит?

– Что ты врешь, Алексей? – Мама подошла к зеркалу.

Внимательно стала разглядывать свои маленькие ушки. Ле-
гонько подергала их за мочки.

– Давай помогу, – предложил Алешка.

– Обойдусь! – сказала мама сердито. – Выдумываешь вся-
кую ерунду. – И она еще раз внимательно всмотрелась в свои
уши. С некоторым беспокойством. – Мойте уши... то есть
руки, будем ужинать.

– Ушами? – удивился Алешка. – Я не умею.

– Брысь! – сказала мама. И пошла на кухню, накрывать
ужин.

Тут как раз пришел с работы папа. И спросил:

– Как дела?

– Порядок! – весело отозвался Алешка. – Только у мамы
что-то с ухами.

– Что такое? – забеспокоился папа.

– У нее одно ухо покраснело.

– Ну-ка, – папа стал разглядывать мамины уши. – Точно:
правое краснее левого.

– Наоборот! – заспорил Алешка. – Левое краснее. И боль-
ше правого. Не болит? Давай «Скорую» вызовем, мам?

– Хватит! – сказала мама. – Я сейчас забинтую свои уши...

уши! И лягу спать. А вы ужинайте сами. Без моих ушей!

Мама не успела «забинтовать уши» – зазвонил телефон. Она сняла трубку.

– Добрый вечер, Семен Михайлович, рада вас слышать. Здоровье? Мое? Спасибо, хорошо. Ухо? Да, конечно. Да, спасибо. – Мама позеленела. – Спасибо, обязательно. – И брякнула трубку: – Посоветовал непременно закапать в ухо. А что закапать, он, оказывается, забыл. Странная история... – И мама опять посмотрелась в зеркало. С каким-то недоверием к самой себе.

А назавтра уже Алешка застрял перед зеркалом, прихорашивался.

– Что случилось? – спросила мама.

– Мы в гости идем, – деловито сообщил Алешка, не сводя глаз со своего отражения.

– Это когда? – мама тоже взглянула в зеркало, улыбнулась. – Покушать успеете?

– Не знаю, сегодня идем. Средним вечером.

– Каким? – изумилась мама. – Каким вечером?

– Средним.

– Такой бывает? Это что-то новенькое.

Алешка возмутился:

– Интересные вы люди! Раннее утро у вас бывает? Поздний вечер бывает? Значит, и средний вечер тоже бывает!

Мама не стала спорить, а Лешка, пыхтя от возмущения,

продолжил свое прихорашивание. Чтобы произвести впечатление на Королеву красоты какого-то района. Маминой щеткой для волос он пытался уложить свой непослушный хохолок. Но ничего у него не получалось: хохолок упрямо и заодно торчал на макушке.

– Сливочным маслом намажь, – посоветовал я.

– Что я, бутерброд, что ли? Может, мне еще и кусок сыра на макушку положить?

– Лучше колбасы, – сказала мама. – Аппетитней. А еще лучше заодно и руки помыть. – Мама с интересом наблюдала, как Алешка роется в шкафу в поисках своей любимой рубашки.

– Я, может, – пропыхтел он из глубины шкафа, – еще и шею вымою.

– Медведь в лесу сдох, – вздохнула мама, – не иначе.

– Какой медведь? – Алешка высунулся из шкафа. – С грязной шеей?

– Так говорят всякий раз, – объяснила мама, – когда какой-нибудь человек совершает необычный для него поступок. Например, помоеет руки перед обедом. И оба уха перед сном.

– Это не про нас. – Алешка снова скрылся в шкафу и пробубнил оттуда: – Мы руки моем когда надо. А не всякий раз.

– Не поняла, – вздохнула мама. И без труда нашла на верхней полке любимую Алешкину рубашку.

В нашей семье эту рубашку только Алешка любит. Он сам

ее выбрал, на рынке. В палатке, где продавали всякие уцененные вещи.

– Какой ужас, – сказала при этом мама. – У тебя вкус дикаря. Или артиста эстрады.

– Ничего, – успокоил ее папа, когда увидел Алешку в обнове, – зато не потеряется. «Вы не видели тут мальчика в яркой рубашке?» «Видели! От него и бежим».

Когда Алешка (со скандалом) явился в этой рубашке в школу, наш директор Семен Михалыч сперва от него шарахнулся, а потом строго сказал:

– Еще одно такое хулиганство, Оболенский, и я тебя переведу в другую школу. Или отдам в зоопарк, к павлинам и попугаям. Впрочем, мне их жалко – они все тогда поумирают...

– От зависти? – безмятежно спросил его Алешка.

– От ужаса.

В общем, Алешка принарядился по своему вкусу, и мы отправились с визитом к Марише и Маргоше.

На этот раз мы проникли в крепость по кличке «Парус» без особого труда. Охранник был предупрежден, молча пропустил нас, только недоверчиво покосился на Алешку (на его рубашку) и опустил за нами шлагбаум.

Дверь квартиры нам отворила сама Мариша. Она была почему-то босиком и в шортах красного цвета. И в красной прическе.

– Хай, – приветливо сказала она. – Проходите как бы в гостиную, я распоряжусь за чай и за кофе. И как бы приведу себя в порядок. – И она ушла, шлепая по паркету голыми пятками.

В гостиную из холла дверей не было, был просто такой проем в виде арки, завешенный шторкой из кусочков цветного бамбука. Когда эта шторка висела спокойно, она изображала из себя рыжего тигра в зеленых джунглях. А с другой стороны – обезьянку с бананом на пальме. «Кондильеры», словом.

В самой гостиной мебель была обычная, не вогнутая и не выгнутая, только очень блестящая. Почти всю комнату занимал «блескучий» угловой диван, по которому были разбросаны всякие цветные подушечки, разноцветные мобильники и игрушечные зверушки со следами острых зубов.

Алешка присел на диван и спросил меня:

– Тоже разуться, что ли? До босиком.

Тут вошла Мариша, она слышала его слова и сказала с гордостью:

– В нашем доме гости как бы не разувают обувь.

– В нашем доме тоже, – сказал Алешка. – Но вы-то босиком.

– Так надо. Все артистки как бы ходят дома босиком. Так положено. – И Мариша брякнула на столик цветной журнал. – Вот, посмотри. Гламурненько, культурненько.

На развороте было несколько фотографий, сделанных в

загородном доме одного певца и одной певички. Дом тоже был весь «блескучий», а хозяйева – босиком. И на всех фото-снимках на переднем плане сверкали их голые ступни с кривыми пальцами. И с крашеными ногтями.

Мариша тоже от них не отставала. Распорядившись «зачай», она привела себя в такой порядок, что мы от этого порядка немного онемели. Мариша переменила шорты на другой цвет и успела по новой раскраситься. Куда там до нее Алешкиной рубашке!

– Разноцветная индейка, – с восторгом шепнул мне Алешка, когда Мариша отошла к дальнему окну раздернуть шторы.

Да, лучше не скажешь...

На руках и ногах у нее были разноцветные – встречались черные – ногти. На голом животе – татушка в виде алой розочки с зелеными листочками и черными колючками. А рядом с пупком висел замочек с ключиком. Голубые ресницы так сильно были крашены, что все время опускались от своей тяжести и чуть слышно щелкали, как у куклы с глазами. Губы у Мариши были разрисованы под цвет колючек, а щеки – под цвет розочки.

Нас Мариша тоже оценила. По мне она, правда, скользнула скучным взглядом, а на Алешке этот взгляд у нее оживился.

– Клевый прикид, – похвалила она его рубашку. И тут же вскочила. – Гламура не хватает. Нужен как бы штрих. – Ма-

риша прошлепала босыми пятками за дверь, вернулась с галстуком-бабочкой – таким из себя ярко-красным в черный горошек. – Носи! Я тебе дарю! Это Аркашина. Он в ней на презентации ходил.

– А теперь не ходит? – как бы испугался (или расстроился) Алешка.

– Ходит! Еще как! И я с ним. Только сейчас на бабочки мода другая. Теперь черная с красным горошком. – И Мариша прицепила Алешке бабочку, отступила на шаг, полюбовалась. – Отпад! Все девчонки наши!

Вид у Алешки с этой бабочкой был глупейший. Но это его не беспокоило. Он явно вел какую-то свою игру, и, похоже, эта игра у него получалась. Когда у Мариши заиграл один из мобильных, разбросанных по дивану, Алешка коротко взглянул на меня, и в этом взгляде я четко, ясно прочел: «Дим, я так и знал!»

Что он знал? Отпад? Девчонки наши? Красный горошек на черном поле? Не знаю... Мне просто захотелось домой. От всего этого гламурненького и фигурненького.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.